

В самом конце улицы приютился небольшой книжный магазинчик. Место было глуховатое, окраинное, так что дела у хозяина шли неважно, и к вечеру здесь редко можно было встретить случайного прохожего.

Владелец лавки, небритый мужчина средних лет, больше всего на свете любил прохаживаться между книжными стеллажами с бутылкой в руке. В такие минуты на его лице проступала горделивая мина, словно у правителя, осматривающего свои владения: время от времени он вытягивал с полки случайный томик и делал глоток прямо над открытыми страницами.

И сегодня всё шло по обычному сценарию: покачиваясь от хмеля, он сидел у входа в обнимку с книгой. Черноволосый молодой человек, пришедший вернуть пластинку, был весьма недурен собой и вежливо благодарил хозяина, чья захмелевшая память никак не могла выдать нужное имя.

Шлёпнув себя по лбу, торговец немного протрезвел:

— А, ты же тот парень, который поёт! Вспомнил.

Чэн Цзие решил задержаться и перекинуться с ним парой слов.

Вокалист, привыкший к шуму и блеску сцены, на удивление легко находил общий язык с нелюдимым букинистом. Тот каким-то чудом уловил, что на душе у гостя скребут кошки, и во что бы то ни стало вознамерился ему погадать.

Чэн Цзие замялся, но мешать горе-прорицателю, решившему спьяну пофилософствовать о судьбе, не стал — сам он в предсказания никогда не верил.

Мужчина окинул его оценивающим взглядом, достал гадальные палочки и принялся что-то бормотать под нос. В сумерках у книжной лавки это зрелище выглядело до комичного нелепым.

Наконец, отложив палочки в сторону, букинист изрёк:

— Всё ясно. По всему видно, у тебя сейчас любовные неурядицы.

Он украдкой глянул на помрачневшего Чэн Цзие и мысленно поздравил себя с метким попаданием.

— Причём чувства тайные, в которых ты не можешь признаться, — хозяин сначала сверился с раскладом, потом снова зорко проследил за реакцией собеседника и деланно кашлянул, пытаясь нащупать верный след. — Угадал?

Чэн Цзие скользнул взглядом по абсолютно хаотично разбросанным палочкам.

— Да, — ответил он.

— Ну-ка, глянем дальше... Эти отношения ведь не одобряются обществом? — Торговец зажмурился, шевеля губами, и сделал пассы пальцами. — У неё есть парень? Или она намного старше тебя?

В конце концов, в любви всегда всё крутится вокруг стандартного набора проблем.

Однако стоящий перед ним молодой человек на мгновение замер и решительно качнул головой:

— Мимо. Ни то, ни другое.

— А? — озадаченно моргнул лавочник.

Черноволосый мужчина тихо усмехнулся. В этой улыбке сквозило что-то едва уловимое, загадочное.

— Попробуйте ещё раз.

Мужчина напряг извилины:

— Ну не умерла же она, в самом деле?

Чэн Цзие отрицательно покачал головой.

Букинисту и в голову не могло прийти, что предмет обожания музыканта — мужчина.

В те годы разговоры о подобном у обывателей до сих пор вызывали оторопь, словно кто-то произносил запретное слово. За грязное ругательство с гомофобным подтекстом можно было запросто получить по лицу.

Но Чэн Цзие молчал вовсе не поэтому.

Снова сев в лужу, хозяин лавки раздосадованно сморщился. Его лицо под цвет заката казалось пунцовым от выпитого алкоголя. Бросив взгляд на сгущающиеся сумерки, Чэн Цзие засобирався уходить.

Лавочник в душе даже облегчённо выдохнул — не хватало ещё опозориться со своим гаданием. На прощание он задорно махнул рукой:

— У меня тут куча редких винилов завалилась! Есть коллекционные издания к пятидесятилетию, заходи как-нибудь, дам послушать!

Болтовня с парнем скрасила ему скучный вечер, да и любовная драма у молодёжи оказалась занятой. «Где же я всё-таки промахнулся?» — озадаченно подумал он. Впрочем, к чёрту размышления. Пора выпить.

Солнце скрылось за горизонтом. Небритый букинист развалился на стуле у входа, его длинная тень протянулась по асфальту, а время, пока он неторопливо цедил алкоголь из горлышка, тянулось ещё длиннее.

Налетевший ветер Цичэна заставил листву зашуметь. Шёпот деревьев разносился у входа в лавку и плыл дальше вдоль мостовой. В серых сумерках повеяло пронизывающей сыростью — верный признак надвигающейся грозы.

Юй Сингэ едва успел спуститься и сделать несколько шагов, как его силуэт поглотила тень раскидистого дерева на углу. Сквозь полумрак он разглядел на противоположной стороне улицы Чэн Цзие и издали помахал ему рукой.

Чэн Цзие обладал редким свойством мгновенно приковывать к себе взгляд. Весь его облик казался чужеродным на фоне унылого, пыльного Цичэна. Надень он сейчас солнцезащитные очки — и сошёл бы за заезжую суперзвезду, прячущуюся от папарацци. Глядя на него, Юй Сингэ невольно улыбнулся.

Однако вокалист, заметив приветственный жест, замер на месте. Он попросту растерялся, не зная, как себя вести, и тело отреагировало инстинктивной заминкой.

Юй Сингэ шёл навстречу — лёгкой, пружинящей походкой, с открытой и ясной улыбкой, в которой не было ни капли притворства. Эта безоблачность ослепляла, как полуденное солнце, и в сознании Чэн Цзие вихрем пронесли воспоминания о ночной близости, невысказанных желаниях и звенящем напряжении последних дней.

— Гэ!

Чэн Цзие незаметно прижал пальцы к подолу куртки.

«Спокойно. Веди себя нормально».

Погода с каждым днём становилась всё теплее. Кудрявый парень в простой белой футболке так и лучился бьющей через край энергией, словно и не замечал той ледяной стены, которую Чэн Цзие выстраивал между ними всё это время.

— Ключ от репетиционной остался у тебя, — весело сообщил он. — Я дверь запирать не стал.

У вокалиста на мгновение в голове всё смешалось. Чтобы вечно собранный и невозмутимый Чэн Цзие выглядел растерянным — зрелище из ряда вон выходящее.

Тогда он уходил в такой спешке, что совершенно позабыл отдать ключ. А торопился он потому, что его нестерпимо тянуло к Юй Сингэ, но оставаться рядом становилось просто опасно.

Заметив затянувшуюся паузу, Юй Сингэ озадаченно поскрёб затылок:

— Ну, так что там с ключом?..

Он уставился на Чэн Цзие умоляющим взглядом, который буквально кричал: «Отдай, пожалуйста».

Черноволосый мужчина промолчал. Сохраняя невозмутимый вид, он сделал едва заметный шаг назад, выудил из кармана связку ключей и протянул её парню.

— Пошли.

Их пальцы соприкоснулись на долю секунды — мимолётно, словно крыло бабочки, — и Чэн Цзие тут же отдёргнул руку. Лицо его оставалось маской холодного спокойствия.

Обоим было прекрасно понятно, чего стоит это «спокойствие». Юй Сингэ притих.

На байке больше не катает, завтраки молча оставляет на ручке стеклянной двери, а если случайно пересекаются взглядами во время перерыва — тут же отводит глаза. Ещё немного, и они с Чарльзом станут ближе, чем с собственным вокалистом.

Юй Сингэ твёрдо решил: так продолжаться не может.

Сумерки окончательно сгустились над городом. Чэн Цзие упрямо делает вид, что всё в порядке, поддерживая ни к чему не обязывающий разговор. Любому прохожему показалось бы, что беседуют закадычные приятели, однако оба идущих рядом мужчины кожей чувствовали натянутую до предела струну напряжения.

Порывы ветра крепили, и кудрявый парень мало-помалу замолчал.

У Чэн Цзие перехватило дыхание. Он смотрел на безмолвную фигуру Юй Сингэ, чьи кудри трепал ветер, и внезапно почувствовал укол вины.

Хотя его вины тут не было вовсе.

Чэн Цзие никогда не шёл на поводу у общественного мнения — иначе он не бросил бы некогда стабильную работу и налаженную жизнь ради призрачной мечты о рок-сцене.

Он просто трусил. Боялся заговорить, потому что не имел ни малейшего представления о чувствах Юй Сингэ. И наивно верил, что ещё не поздно отступить. Что всё можно отыграть назад и вернуть на круги своя.

Холодный вечерний ветер заставил сжаться виски. Какая-то мошка вылетела из кустов и нацелилась сесть Юй Сингэ на шею. Чэн Цзие рефлекторно потянулся рукой, чтобы смахнуть её, но насекомое, почуяв тепло, улетело само. Рука музыканта замерла на полпути к чужой шее.

Поколебавшись секунду, он медленно опустил руку.

Поднявшись по лестнице на пятый этаж, Юй Сингэ вставил ключ в скважину.

Раздался негромкий щелчок — упрямый замок наконец-то поддался.

Кудрявый парень обернулся к нему со своей привычной улыбкой.

Чэн Цзие стоял чуть ниже, на ступеньках. Густые вечерние тени полностью скрывали его фигуру.

Сразу над пятым этажом находился выход на крышу. Дома в Цичэне редко строили выше пяти этажей, и сейчас сквозь приоткрытое чердачное окно вниз лился тусклый, янтарный свет уличных фонарей.

Юй Сингэ протянул ладонь к этому лучу, скользнув по нему пальцами, будто зацепил басовую струну гитары.

— Спускаемся? — спросил Чэн Цзие.

— Думаю, оттуда, с крыши, красивый вид, — одновременно произнёс Юй Сингэ.

Они заговорили разом. Юй Сингэ удивлённо уставился на вокалиста. Черноволосый мужчина ненадолго задумался:

— У меня нет ключа от чердачной двери.

Юй Сингэ задорно вскинул брови:

— Да ладно тебе, будто это проблема.

Он бросил хитрый взгляд вверх, на люк, и Чэн Цзие сразу всё понял. Его гитарист слов на ветер не бросал и за дело брался мгновенно.

Они вдвоём быстро перетащили стоявшую в углу пролёта старую деревянную лестницу и приставили её прямо к люку чердака.

Карабкаясь наверх, Юй Сингэ хмыкнул:

— А здесь не так уж и высоко.

— Приходилось забираться повыше? — донёсся снизу ровный голос Чэн Цзие.

Юй Сингэ ловко перемахнул через раму и выбрался на крышу. Воздух здесь был свежим, прохладным, а сильный ветер тут же растрепал его кудри.

— Само собой, — сощурился он от удовольствия.

Ночь выдалась слишком хорошей, чтобы позволить глупой неловкости испортить их общение. Юй Сингэ твёрдо решил во что бы то ни стало наладить контакт со своим вокалистом.

— Когда в школе неохота было сидеть на уроках, я постоянно сбегал на крышу спать.

Парень устроился на самом краю проёма. В неровном свете квадратного люка его лицо приняло задумчивое, мечтательное выражение.

Чэн Цзие никогда раньше не видел его таким. Этот образ казался ему чужим и в то же время завораживающим.

Договорив, Юй Сингэ протянул руку, намереваясь помочь Чэн Цзие подняться, но тот мягко, словно ненароком, уклонился от жеста.

Он действительно избегал любых прикосновений.

Делая вид, что ничего не произошло, вокалист самостоятельно взобрался по ступеням и ступил на бетонную поверхность крыши.

Наверху неистовствовал ветер, шумя листвой невидимых во тьме деревьев где-то далеко внизу.

Сюда, на заброшенную плоскую крышу, явно много лет не ступала нога человека. Кое-где громоздились строительные завалы — то ли доски, то ли куски арматуры, укрытые серым брезентом, который шумно хлопал на ветру. Под ноги с негромким металлическим звоном покатились несколько запylённых жестяных банок из-под газировки.

И всё же пахнувший скорой грозой воздух пьянил, а панорама города захватывала дух. Смахнув с коленей пыль, Юй Сингэ обошёл звенящий мусор и приблизился к краю, опёршись на невысокое ограждение. Отсюда Южный район Цичэна был виден как на ладони.

Чэн Цзие встал рядом. Он держался прямо, в его позе не было расслабленности Юй Сингэ, а в устремлённых на город глазах отражались лишь его собственные невесёлые мысли.

Юй Сингэ принялся негромко напевать, на ходу подстраивая мотив под хаотичный стук жестянок. Чэн Цзие замер неподалёку, стараясь сохранять дистанцию и даже незаметно отодвигаясь всё дальше.

Вдруг Юй Сингэ без тени смущения положил руку ему на плечо. Похоже, он совершенно не считал этот жест двусмысленным.

— Как думаешь, польёт сегодня? — беззаботно спросил он, указывая на небо. Ветер красиво трепал выбившиеся кудрявые пряди у его виска.

Чэн Цзие задеревенел. Он запрокинул голову, глядя на россыпь на удивление ярких звёзд, и заставил себя выдавить:

— Думаю, обойдётся.

Но стоило ему опустить взгляд, как перед глазами оказалась изящная, словно выточенная скульптором ладонь Юй Сингэ, уверенно лежащая на его плече. Парень подошёл так близко, что ещё немного — и они окажутся в объятиях друг друга.

Такая близость пугала. Особенно когда он сам едва сдерживал желание прижать этого мальчишку к себе.

«А по мне, так эта ночь создана для поцелуев».

«Не о том думаю».

Кудрявый парень болтал без умолку, словно начисто позабыв о недавнем отчуждении:

— Самое время, чтобы открыть по банке пива. Хотя нет... Кола подойдёт лучше.

Чэн Цзие не вслушивался в его слова. Все его мысли занимала пугающе малая дистанция между ними. Тепло чужой ладони прожигало ткань куртки, заставляя сердце биться в бешеном темпе. Чтобы скрыть волнение, он нацепил свою привычную ленивую усмешку:

— Вот как?

На какое-то время повисла тишина — Юй Сингэ явно не знал, что ещё сказать, хотя раньше они никогда не испытывали трудностей в общении. Спустя минуту парень тихо позвал:

— Гэ...

Это слово прозвучало едва слышно, сорвавшись с губ лёгким вздохом. Не вслушивайся Чэн Цзие так жадно, он бы ни за что его не разобрал.

Но он услышал. И повернул голову.

— Я в Цичэне почти никого не знаю, — негромко произнёс обычно весёлый гитарист после долгой паузы. — Но... — Он посмотрел на вокалиста с искренним, немного растерянным выражением. — Ты для меня самый близкий человек здесь.

«Что же с тобой происходит?» — читалось в его глазах.

Чэн Цзие уловил этот немой вопрос по лицу парня, в котором смешались обида, тревога и непонимание.

Тот, кого он считал недогадливым, всё прекрасно понял. Да и глупо было надеяться, что резкую перемену в его поведении можно проигнорировать.

Стоило Чэн Цзие разомкнуть губы, как налетел резкий порыв ветра, с силой захлопав брезентом. Звёздный купол мгновенно затянуло тяжёлыми тучами, и на щёку вокалиста упала первая холодная капля.

Пошёл дождь. Поверить трудно — действительно пошёл.

Пальцы Чэн Цзие, висевшие вдоль тела, мелко вздрогнули. На его лице отразилась целая гамма сложных, противоречивых эмоций. Юй Сингэ, заглянув ему в глаза, невольно растерялся — он никогда не видел вокалиста таким потерянным.

Казалось, тот ведёт мучительную внутреннюю борьбу, и эта душевная буря выглядела куда непредсказуемее надвигающейся грозы.

Прошла вечность, прежде чем Чэн Цзие опустил взгляд. Когда он заговорил, голос его звучал непривычно мягко:

— Откуда ты знал, что будет дождь?

Это был прежний Чэн Цзие — спокойный, надёжный.

Юй Сингэ на секунду опешил, а потом облегчённо рассмеялся:

— Просто посмотрел прогноз перед выходом.

Он слегка сжал пальцами плечо вокалиста.

Он ведь привык просчитывать всё наперёд. В любом деле, где бы ни находился.

Дождь постепенно расходился, но Юй Сингэ и не думал прятаться под навес. Он так и стоял у края крыши, уверенно опираясь на холодный бетон.

Чэн Цзие не отходил ни на шаг. Редкие прохладные капли скользили по его лицу, сглаживая суровые черты.

Отрасшие за время пребывания в Цичэне кудри Юй Сингэ беспорядочно метались на ветру. Сбросив груз недопонимания, парень с восторгом раскинул руки навстречу прохладной мороси.

В каждом его жесте дышала необузданная юность и жажда жизни.

Чэн Цзие осторожно поймал пальцами одну из растрёпанных прядей. Они стояли так близко, что обернись сейчас гитарист — их губы непременно встретились бы в поцелуе.

Но Юй Сингэ не повернулся.

Вокруг шумела ночная гроза, укутывая город в плотную пелену дождя.

Чэн Цзие заворожённо смотрел на красивый профиль Юй Сингэ. На его губах заиграла едва заметная, грустная улыбка, в которой смешались нежность и горечь.

«И пусть ты ничего не понимаешь... Так даже лучше. У меня ещё есть время побыть твоим другом».

Под тихий шорох дождя Чэн Цзие склонил голову и бережно коснулся губами зажатых в пальцах кудрей.

<http://bllate.org/book/18241/1765493>